

Александр Беркман

**Будет ли работать
коммунистический анархизм?**

**глава из «Азбуки
коммунистического анархизма»**

Как мы уже говорили, жизнь не может быть свободной, обеспеченной, гармоничной и радостной, если она не основана на принципах справедливости и благородства. Равная свобода и равные шансы — первая предпосылка справедливости.

Если существуют правительство и эксплуатация, то ни свобода, ни равенство невозможны; отсюда все беды и страдания в нашем сегодняшнем обществе.

Коммунистический анархизм основан на понимании этой неизбежной истины. Он покоится на принципах невмешательства и отсутствия принуждения, иными словами, на свободе и самореализации.

Жизнь на этой основе полностью соответствует представлениям о справедливости. Люди смогут жить в полной свободе и пользоваться равной свободой, никто не будет иметь право принуждать кого-либо к чему-либо, поскольку принуждение любого рода есть вмешательство в вашу свободу.

В равной мере каждый будет иметь все возможности для самореализации. Монопольное обладание и частная собственность на основные жизненные блага будут отменены как посягательство на равенство шансов для всех.

Только в том случае, если мы не будем забывать этот простой принцип равной свободы и возможности, мы сумеем разрешить проблемы, возникающие при построении коммунистического анархизма как формы общества.

В политическом отношении ни один человек не будет признавать какой бы то ни было авторитет, могущий принуждать его к чему бы то ни было. Правительство будет ликвидировано.

В экономическом отношении не будет допускаться исключительное обладание основными жизненными благами с тем, чтобы сохранить свободной пользование ими.

Монополия на землю, частная собственность на производственные объекты, средства распределения и коммуникации не могут быть терпимы при анархии. Вещи, необходимые для жизни, должны быть свободно доступны для всех.

Если суммировать, то коммунистический анархизм означает следующее: ликвидацию правительства и насильственного авторитета во всех его проявлениях; общественная собственность — то есть свободное и равное участие всех в общем труде и общем благосостоянии.

«Вы утверждаете, что анархия гарантирует равенство в экономическом отношении. Означает ли это равное вознаграждение для всех?» — спросит ваш приятель. Да, означает. Или же, что то же самое, равное участие в общественном благосостоянии. Ведь, как мы уже знаем, труд — это дело всего общества. Никто не может сделать все только своими собственными силами. И если труд является общественным, то его результат, произведенное богатство, тоже должен быть общественным, принадлежать обществу. По этой причине никто не может претендовать на единоличное обладание общественным богатством, наслаждаться им должны все в равной степени.

«Но почему бы не вознаграждать каждого в соответствии с ценностью его

труда?» — можете спросить вы.

Потому что нет никакой возможности определить эту ценность. Именно в этом состоит разница между ценностью и ценой. Ценность вещи определяется ее местом, а цена указывает на то, за сколько ее можно продать или купить на рынке. Какова ценность той или иной вещи, не может в действительности сказать никто. Экономисты вообще усматривают в ценности произведенного продукта сумму труда, которую необходимо затратить на его производство; Маркс говорит об «общественно необходимом труде». Но со всей очевидностью это нельзя считать справедливой мерой. Предположим, столяр работает три часа, чтобы сделать кухонный стол, а врачу нужно полчаса, чтобы сделать операцию и спасти вашу жизнь. Если ценность определяется количеством затраченного труда, то стол стоит дороже, чем ваша жизнь. Это, разумеется, очевидная бессмыслица. Даже если вы приплюсуете годы обучения и практики, которые потребовались врачу, чтобы научиться делать операции, как вы сможете определить ценность «одного часа операции»? Ведь столяр и каменщик тоже должны учиться, прежде чем они овладеют своей профессией, но, поручая им работу, вы не считаете эти годы учения. Кроме того, следует учитывать особую способность или склонность, которые каждый рабочий, писатель, художник или врач должны вложить в свой труд. Этот фактор вообще зависит только от конкретной личности. Как вы сможете определить его ценность? Вот почему ценность измерить невозможно. Одна и та же вещь может быть ценна для одного человека, а другому — вообще не нужна. Даже для одного и того же человека ее ценность в разное время может быть различна. Бриллиант, картина или книга могут очень много значить для одного, но не иметь никакой ценности для другого. Батон хлеба будет очень ценен для вас, если вы голодны, и иметь гораздо меньшую ценность, если вы не испытываете голода. Разумеется, невозможно установить действительную ценность той или иной вещи, когда речь идет о неизвестной величине.

Напротив, цену измерить достаточно легко. Если есть пять батонов хлеба и 10 человек хотят купить по одному, то цена на хлеб будет расти. Но она будет падать, если есть 10 батонов хлеба и всего 5 человек хотят купить по батону. Цена зависит от предложения и спроса.

Товарный обмен на основе цены ведет к наживе, привилегиям и эксплуатации, короче говоря, к какой-либо форме капитализма. Если вы хотите устранить наживу, то не можете сохранять ни систему цен, ни систему найма и зарплат. Это означает, что обмен должен осуществляться в соответствии с ценностью. Однако поскольку сама ценность неопределенна или неопределима, продуктообмен должен совершаться свободно, а не основе «равной ценности», поскольку таковой не существует. Иными словами, это значит, что труд и его продукты должны свободно обмениваться в соответствии с необходимостью, без всякой цены и без всякой наживы. Это естественным образом приводит нас к общественной собственности и совместному пользованию. Эта разумная

и справедливая система известна как коммунизм.

«Но разве справедливо, чтобы все получали одно и то же — умный и глупец, прилежный и лентяй? Разве не следует отличать прилежного, разве он не заслуживает особого признания?» — можете спросить вы.

Позвольте задать вам встречный вопрос: а должны ли мы еще дополнительно наказывать человека, который не столь щедро одарен от природы, как его более сильный или талантливый сосед? Следует ли нам добавить к преградам, поставленным ему природой, новые несправедливости? Все, что мы естественным образом можем ожидать от человека — это, чтобы он делал все, что в его силах — а может ли он вообще сделать больше? Если же максимум того, что может Иван, не столь хорошо, как максимум того, что может его брат Петр, то это беда Ивана, но никак не его вина, за которую его следует наказывать.

Нет ничего более опасного, чем дискриминация. В тот самый момент, когда вы дискриминируете менее способных, вы закладываете фундамент недовольства и возмущения, вы вызываете зависть, раздоры и споры. Вы сочли бы жестокостью, если бы менее способные были лишены воды или воздуха. Разве тот же принцип не следует распространить и на иные потребности человека? Однако еда, одежда и жилье занимают лишь самое незначительное место в мировой экономике.

Добиться от человека того, чтобы он делал все, что в его силах, можно не с помощью дискриминации, а обращаясь с ним так же, как и с другими. Это самое действенное ободрение и самый лучший стимул. Это справедливо и человечно.

«Ну а что вы будете делать с лентяями, которые не пожелают работать?» — спросит ваш приятель.

Это интересный вопрос, и вы наверняка удивитесь, когда я скажу вам, что на самом деле никакой лени не существует. Тот, кого мы называем ленивым, как правило — просто человек не на своем месте. Вы всегда сможете обнаружить, что человек, поставленный не на свое место, будет вялым и неспособным. Ведь так называемая лень и в значительной мере отсутствие прилежания — это ни что иное как несоответствие и неверное применение сил. Если вы вынуждены делать что-то, на что неспособны из-за отсутствия таланта и воодушевления, вы мало что сделаете; если вы вынуждены делать неинтересную работу, вы будете лениться.

Это может подтвердить вам каждый, кто хоть когда-нибудь занимался делом, в котором участвовало большое количество народа. Особенно убедительным свидетельством правильности этого утверждения служит жизнь в тюрьме — а в конце концов нынешняя форма жизни для большинства людей ни что иное как большая тюрьма. Каждый охранник может подтвердить вам, что заключенные всегда ленятся и подвергаются наказаниям, когда им даются задания, для которых они не годятся и которые им не интересны. Но как только этим «строптивцам» поручается работа, соответствующая их склонностям, они

становятся «примерными», как говорят охранники.

Правильность этого факта заметным образом продемонстрировала и Россия. Там можно было узнать, как мало мы знаем о человеческом поведении и влиянии среды, как мы ложно истолковываем неверные предпосылки как плохое поведение. Русские беженцы, которые за границей вели нищую и незаметную жизнь, после возвращения на родину, поняв, что революция дала простор для их активности, совершали великие дела там, где они работали, становились блестящими организаторами и строителями железных дорог и предприятий. Среди широко известных сегодня на Западе имен русских немало тех, кто при прежних условиях существования считался ленивым и неспособным к работе, однако дело было лишь в том, что они не находили применения своим способностям и энергии.

Таково существо человека: работоспособность в определенной области означает склонность и способность к ней, прилежание и усердие свидетельствуют об интересе. Вот причина, по которой в сегодняшнем мире так распространена лень, а работоспособность столь низка. Ведь кто сегодня на своем месте? У кого есть работа, которая его окрыляет и действительно интересует?

В нынешних условиях у среднего человека мало возможностей посвятить себя задачам, соответствующим своим наклонностям и предпочтениям. Социальное положение, в котором они оказались по воле рождения, в целом предопределяет их занятие или профессию. Сын финансиста редко, как правило, становится лесорубом, даже если он лучше умеет обращаться со стволами деревьев, чем с банковскими счетами. Средний класс отправляет своих детей в высшие школы, чтобы они стали врачами, юристами или инженерами. Но если их родители — рабочие, которые не могут себе позволить дать им образование, дети вынуждены будут, вероятно, соглашаться на любую подвернувшуюся им работу или изучать какое-нибудь ремесло, где случайно имеется учебное место. Их будущую работу или профессию определяет их статус, а не способности, склонности или дарования. Что же удивляться тому, что большинство людей, причем подавляющее, действительно находится не на своем месте? Спросите первых подвернувшихся сто человек, выберут ли они снова свою нынешнюю работу или даже захотят ли они сохранить ее, если им будет дана свобода выбрать ее. 99 из них наверняка признаются, что предпочли бы лучше иное занятие. Нищета и материальные выгоды или хотя бы надежда на них удерживают большинство людей на неверном рабочем месте.

Совершенно очевидно, что человек может делать все, что в его силах, если работа ему интересна, если он чувствует себя вовлеченным в нее естественным образом, если она ему нравится. Тогда он будет прилежным, будет стараться. Вещи, которые изготавливали ремесленники в эпоху до современного капитализма, были продуктами радости, потому что ремесленник любил свою работу. Можно ли ожидать от современного рабочего фабрики, превращенного в ломовую лошадь, чтобы он делал красивые вещи? Он — деталь машины, колесико

бездушной индустрии, его труд совершается механически, вынужденно. К тому же рабочий чувствует, что работает не для себя самого, а ради прибыли другого, он ненавидит эту работу или, по крайней мере, не заинтересован ни в чем кроме регулярного получения зарплаты. Результатами становятся отлынивание, низкая работоспособность, лень.

Потребность в деятельности — один из самых глубинных инстинктов человека. Если вы понаблюдаете за ребенком, вы обнаружите сильное стремление действовать, двигаться, что-то делать. Бурно и постоянно. Точно также обстоит дело со здоровым взрослым человеком. Его энергия и жизненная сила ищут формы выражения. Позвольте ему совершать выбранную им самим работу или делать любимые им вещи, его усердие не будет знать усталости и отлынивания. Это можно наблюдать у фабричного рабочего, которому посчастливилось обзавестись садиком или клочком земли, где он может выращивать цветы или овощи. Как бы ни уставал он от своего вкалывания, он с удовольствием выполняет самую трудную работу, если делает ее для собственного удовольствия и по своему свободному выбору.

При анархизме у каждого будет возможность найти себе занятие, соответствующее его естественным склонностям и способностям. Работа станет не отупляющим вкалыванием, как сегодня, а удовольствием. Лень будет неизвестна, а вещи, делаемые с интересом и любовью, станут объектами красоты и радости.

«Но разве может труд стать удовольствием?» — спросите вы.

Сегодня труд означает вкалывание, он неприятен, утомителен и скучен. Но обычно тяжел не сам труд: его делают таковыми условия, в которых вы принуждены трудиться. В особенности долгое время работы, отсутствие гигиены на рабочих местах, недостаточная оплата и т.д. Даже самый неприятный труд может быть облегчен с помощью улучшения условий работы. Возьмем, к примеру, очистку каналов. Это грязный и плохо оплачиваемый труд. Но предположим, что вы получаете за это не 5, а 20 долларов в день. Тогда вы сразу же станете воспринимать эту работу как гораздо более простую и приятную. Число желающих заняться ею сразу возрастет. Но это означает, что люди не ленивы и не боятся неприятного труда, если получают за него соразмерные деньги. Однако подобное занятие считается унижительным, на него смотрят сверху вниз. Почему же к нему так относятся? Разве оно не необходимо, не очень нужно? Разве без тех, кто чистит улицы и каналы, наш город не поразила бы эпидемия? Ясно, что люди, поддерживающие наш город в чистоте, — настоящие благодетели, что они важнее для нашего здоровья и блага, чем семейный врач. С точки зрения полезности для общества тот, кто чистит улицы — профессиональный коллега врача: последний лечит нас, когда мы больны, первый заботится о том, чтобы мы оставались здоровыми. Тем не менее, на врача смотрят с уважением, а к мусорщикам относятся с пренебрежением. А почему? Потому что работа по очистке улиц грязна? Но хирургу приходится часто выполнять и

более «грязную» работу. Почему же мусорщиков презирают? Да потому, что они мало зарабатывают.

В нашей извращенной цивилизации все вещи меряются на деньги. Люди, выполняющие самую необходимую работу, стоят на самых низких ступенях социальной лестницы, если их занятие плохо оплачивается. Если же что-то случится и уборщик улиц будет получать 100 долларов в день, а врач — всего 50, то «замызганный» уборщик улиц сразу поднимется в глазах людей и по социальной лестнице, из «грязного рабочего» он превратится во всеми обихаживаемого человека с высокими доходами.

Как видите, сегодня, в нашей ориентированной на прибыль системе ценность труда и самого человека определяют оплата, вознаграждение, размеры зарплаты, а не важность и полезность занятий.

Более разумное общественное устройство — в условиях анархизма — в оценке этих вещей будут использоваться совершенно иные критерии. Людей будут ценить по их готовности быть полезным для общества.

Можете ли вы себе представить, какие огромные перемены принесет это новое отношение? Любой хочет признания и уважения со стороны других людей. Это эликсир, без которого мы не можем жить. Даже в тюрьме я мог видеть, как отвязный карманник или взломщик сейфов ищет признания со стороны своих друзей и очень старается добиться их уважения. Мнение других людей о нас накладывает отпечаток на наше поведение. Социальная атмосфера в значительной мере определяет наши представления о ценностях и наше поведение. Ваш личный опыт подскажет вам, насколько это так, поэтому вы не удивитесь, если я скажу, что в анархистском обществе люди будут стараться получить скорее более нужную и трудную работу, нежели легкую. Если вы будете учитывать все это, вам не придется больше задаваться вопросом относительно лени и отлынивания от труда. К тому же даже самая тяжелая и обременительная работа может выполняться при более легких и хороших условиях труда. Капиталистический работодатель по мере возможностей старается не потратить лишние деньги, чтобы сделать труд своих работников легче и приятнее. Он будет вводить улучшения лишь в том случае, если надеется извлечь из этого выгоду, но из одних лишь соображений человечности он не истратит и лишней копейки. Хотел бы напомнить здесь и о том, что более умные работодатели постепенно начинают понимать, что им выгодно улучшить свои фабрики, усовершенствовать их в отношении санитарии и гигиены и в целом облегчить условия труда. Они осознали, что дело того стоит: в результате их рабочие довольны и производительность труда растет. Принцип хорош, однако сегодня он осуществляется, разумеется, с целью извлечения большей прибыли. При анархизме же он будет применяться не в целях личной выгоды, а в интересах здоровья работников и облегчения их труда. Наш технический прогресс столь велик и устойчив, что большая часть самой тяжелой работы может совершаться современными машинами и экономящими труд аппаратами. Во многих

отраслях промышленности, например, горном деле новые меры безопасности и санитарии не осуществляются только потому, что работодателям безразлично благо работников и они не хотят предпринимать соответствующие расходы. В системе же, которая не ориентирована на получение прибыли, техника и наука будут служить тому, чтобы сделать труд более безопасным, здоровым, легким и приятным.

«Но каким бы легким ни был труд, нет никакого удовольствия в том, чтобы работать по восемь часов в день», — скажет ваш приятель.

Вы совершенно право. Но задумывались ли вы о том, почему мы работаем по 8 часов в день? Знаете ли вы, что еще не так давно люди вкалывали по 12-14 часов в день и что это до сих пор так в таких отсталых странах, как Китай и Индия?

Можно доказать статистически, что хватило бы трех часов труда в день, чтобы прокормить людей, обеспечить их жильем, одеждой и всем не только наиболее необходимым, но и самым современным жизненным комфортом. Дело в том, что сегодня полезным трудом занимается едва ли каждый пятый из людей. Весь мир держится на небольшом меньшинстве тех, кто выполняет тяжелую работу.

Посмотрим вначале на те виды работ в современном обществе, которые были бы не нужны в анархистском обществе. Возьмите армии и флоты всего мира и подумайте, сколько миллионов людей могли бы заняться нужным и производительным трудом, если бы были устранены войны, что и предусматривается анархией.

В каждой стране рабочие кормят миллионы людей, которые не вносят никакого вклада в благосостояние страны, ничего не создают и не занимаются никаким полезным трудом. Эти люди — только потребители, не являясь ни в коей мере производителями. В США, к примеру, из населения в 120 миллионов менее 30 миллионов рабочих, включая крестьян. Как правило, в каждой стране то же самое положение.

Что же удивляться тому, что рабочим приходится работать по много часов в день, если из 120 человек только 30 являются рабочими? Огромные круги предпринимателей со всеми их чиновниками, помощниками, агентами и коммивояжерами, суды с их судьями, секретарями, исполнителями приговоров и т.д., легионы адвокатов и их служащих, полиция, церкви и монастыри, благотворительные объединения и богадельни, тюрьмы с их стражниками, служителями и непроизводящими заключенными, целая армия работников рекламы и их помощников, чья задача только и единственно в том, чтобы соблазнить вас купить то, чего вы не хотите или не можете иметь, не говоря уже о многочисленных людях, которые, совершенно ничего не делая, живут в роскоши. Их насчитываются миллионы в любой стране.

Если бы эти люди посвятили себя полезному труду, разве понадобилось бы работать по 8 часов в сутки? Если для совершения определенной работы

нужно, чтобы 30 человек трудились 8 часов, насколько быстрее смогут сделать это 120 человек? Не стану обременять вас статистическими выкладками, но приведенных данных достаточно для доказательства того, что хватило бы трех часов физического напряжения в день на человека, чтобы выполнить все полезные работы, которые сейчас совершаются в мире.

Можете ли вы сомневаться, что даже самая напряженная работа может стать удовольствием, если она не потребует такого проклятого вкалывания, как сегодня, а будет занимать только три часа в день, к тому же в самых лучших санитарно-гигиенических условиях и в атмосфере братства и уважения к физическому труду?

Но нетрудно предугадать и день, когда и это небольшое число часов уменьшится. Ведь мы постоянно совершенствуем наши технические методы и постоянно создаем новые машины, сберегающие труд. Технический прогресс означает меньше труда и больше комфорта — достаточно сравнить жизнь в США с жизнью в Китае и Индии, и вы легко поймете эту связь. В обеих этих странах люди работают по много часов, только чтобы обеспечить свое выживание, в то время как в Америке даже средний рабочий может при гораздо менее длительной работе обеспечить себе гораздо более высокий уровень жизни. Прогресс науки и новые изобретения дают нам больше свободного времени для наших любимых занятий.

Я очень грубыми мазками обрисовал возможности жизни в разумной системе, в которой ликвидирована прибыль. Нет совершенно никакой нужды вдаваться в мельчайшие детали этого общественного строя. Сказанного достаточно, чтобы показать, что коммунистический анархизм означает большее материальное благополучие в соединении с жизнью в свободе для всех и для каждого.

Мы можем представить себе время, когда труд будет приятным упражнением, радостным применением физических сил для удовлетворения потребностей мира. Тогда люди будут смотреть на наши времена и не понимать, как это труд мог быть проклятием, они будут сомневаться в разумности поколения, в котором пятая часть жителей страдала от необходимости в поте лица своего создавать хлеб для других, в то время как другие жили в праздности и попусту расходовали свое время, здоровье и человеческое богатство. Они будут удивляться тому, что неограниченное удовлетворение человеческих потребностей не считалось само собой разумеющимся, или тому, что люди, стремящиеся все, собственно говоря, к одному и тому же, усложняли себе жизнь распрями и делали ее невыносимой. Они не смогут поверить, что все существование человечества состояло из непрерывной борьбы за пропитание в мире, наполненном роскошью, борьбы, которая не оставляла подавляющему большинству ни времени, ни сил для осуществления своих самых сокровенных желаний.

«Но не приведет ли жизнь в анархии при экономическом и социальном равенстве к всеобщей уравниловке?» — спросите вы.

Нет, дорогой друг, как раз наоборот. Равенство значит не равное количество, а равную возможность. К примеру, это не означает, что если одному человеку нужно есть пять раз в день, то и другому надо столько же. Если второму надо есть три раза, а первому — пять, то они могут съесть разное количество еды, но оба будут пользоваться равной возможностью есть столько, сколько им нужно, то есть столько, сколько требует их организм.

Не будем совершать ошибку, смешивая равенство в свободе с принудительным равенством в концентрационном лагере. Подлинное анархистское равенство означает свободное пользование, а не одинаковое количество. Оно не требует, чтобы все ели и пили одно и то же, носили одинаковую одежду, выполняли одну и ту же работу и вели один и тот же образ жизни. Отнюдь, в действительности, совсем наоборот. Потребности и предпочтения отдельных людей столь же сильно отличаются друг от друга, как и их аппетит. Подлинное равенство состоит в равной возможности удовлетворять их.

Именно это равенство, далекое от уравниловки, открывает двери для максимального разнообразия в действиях и развитии людей. Поскольку их характеры различны, то подавление их многоплановости ведет лишь к уравниловке, монотонности и скуке. Именно возможность беспрепятственно выражать свою индивидуальность и жить в соответствии с этим дает простор развитию естественных различий и вариаций.

Говорят, что две травинки отличаются друг от друга. Люди — тем более! На свете нет двух одинаковых людей, хотя бы даже по их внешнему облику, еще сильнее различаются они по своему физиологическому, духовному и физическому строению. Несмотря на это разнообразие и тысячу и одно различие, сегодня мы принуждаем людей к единообразию. Наша жизнь и наши привычки, наше поведение и наши нравы, даже наши мысли и чувства зажаты в русло единой формы до такой степени, что становятся неотличимы. Дух авторитета, законы, писанные и неписанные, традиции и привычка принуждают нас повиноваться общим шаблонам и превращают людей в безвольные автоматы, не имеющие независимости и индивидуальности. Это моральное и интеллектуальное рабство сильнее, чем любое физическое принуждение, разрушительно воздействует на нашу человечность и наше развитие. Все мы — его жертвы и лишь невероятно упорные разбивают его цепи, но даже они не могут полностью сбросить их.

Авторитет прошлого и настоящего не только определяет наше поведение, но и господствует над нашими мыслями и душами, постоянно душит любой признак не-приспособленчества, независимого поведения и неортодоксального мнения. Вся мощь общественного осуждения обрушивается на мужчину или женщину, которые бросают вызов принятому поведению. Бессердечная месть карает строптивца, не желающего следовать проложенным путем, или еретика, сомневающегося в устоявшихся верованиях. В науке и искусстве, в литературе, поэзии и живописи это настроение ведет в конце концов к приспособлению и

уподоблению, к копированию того, что устоялось и признано, к единообразию и однообразию, к стереотипным формам выражения. Но еще более жестоко карается нонконформизм в повседневной жизни и отношениях с другими. Художнику и писателю можно иногда простить их вызов нравам и нормам, ведь в конце концов их бунт происходит только на бумаге или полотне; он влияет лишь на сравнительно узкий круг людей. На этих художников либо не обращают внимания, либо относятся к ним, как к шутникам, которые не могут причинить вреда. — но совершенно иное, если речь идет о людях дела, которые несут свой вызов принятым нормам в общество. Он не безобиден. Он опасен силою своего примера и даже самим своим существованием. Попраение им общественных правил нельзя ни игнорировать, ни прощать. Его объявляют врагом общества.

Вот почему революционные мысли в «экзотической» поэзии или в высокоинтеллектуальных философских диссертациях прощаются и могут пройти сквозь официальную и неофициальную цензуру — ведь они недоступны и непонятны широкой общественности. Но если вы попытаетесь выразить это отклоняющееся от норм поведение публично, то немедленно столкнетесь с яростными нападками со стороны всех сил, выступающих за сохранение устоявшегося порядка вещей.

Вынужденное послушание обладает более отвратительным и отупляющим воздействием, чем самый страшный яд. Во все времена оно было главной преградой на пути человеческого прогресса, оно ограничивало людей тысячами запретов и табу, отягощало их сердца устаревшими нормами и правилами, сужало его волю заповедями мышления и чувств, «ты должен» или «ты не смеешь» в отношении поведения и действия. Вся жизнь — искусство жить — застыла в тупой, скучной и неподвижной схеме.

Однако врожденное многообразие человеческой природы столь сильно, что даже продолжающийся веками процесс оглупления не смог загасить человеческую оригинальность и своеобразие. Правда, огромное большинство уже не может покинуть накатанную колею, но некоторые все же вырываются из всеобщей скачки и находят новые пути, ведущие их к прекрасным, одухотворяющим перспективам. Мир осуждает их, но постепенно шаг за шагом следует их примеру и водительству и, наконец, присоединяется к ним. Если те, кто прокладывал путь, к этому времени умерли, мы строим им памятники и обожествляем этих людей, которых до тех пор мы поносили и распинали на кресте, продолжая распинать их преемников — тех, кто прокладывает новые пути сегодня.

За духом нетерпимости и преследования скрывается привычка к авторитету — побуждение приспособляться к господствующим меркам, давление — со стороны морали и закона —, заставляющее быть таким же как все и поступать как все остальные, согласно предписанию и кодексу.

Распространенное повсюду представление, будто приспособление — это

естественная черта характера, совершенно ложно. Наоборот, человек проявляет свое существо и оригинальность при первой же возможности, когда ему удастся освободиться от привитых ему от рождения привычек. Если вы, к примеру, понаблюдаете за детьми, то обнаружите разнообразнейшие различия в облике, поведении, формах духовного и психического выражения. Вы откроете в них инстинктивную склонность к индивидуальности и независимости, к не-приспособленчеству, которая проявляется в виде открытого или скрытого вызова налагаемой на них воле других, в бунте против авторитета родителей и учителей. Все образование и «воспитание» ребенка — ни что иное как непрерывный процесс подавления и разрушения этой склонности, стирания его характерных свойств, его особенности по отношению к другим, его личности и оригинальности.

Даже когда дети вырастают, несмотря на многолетнее подавление и формовку в них еще сохраняется остаток оригинальности; это показывает, насколько глубоко корни индивидуальности. Возьмите, например, каких-нибудь двух людей, которые стали свидетелями одной и той же катастрофы, допустим, большого пожара, и наблюдали все это с одного и того же места. Каждый из них будет рассказывать о происшедшем по-разному, каждый будет выражать сложившееся у него отношение по-своему, и впечатление, которое сложится у слушателей, будет разным. Ведь оба наблюдателя обладают от природы различной психикой. Но поговорите-ка с этими двумя людьми, к примеру, о фундаментальных общественных вопросах, о жизни и о правительстве, и вы немедленно услышите в деталях совпадающий «взгляд», а именно некритически воспринятое распространенное мнение.

Почему? Потому что человек может говорить свободно и уверенно только тогда, когда он может свободно мыслить и чувствовать, когда ему не мешают предписания и правила, когда его не удерживает страх перед неприятными последствиями его «инаковости» и неортодоксальности. Но в тот самый момент, когда разговор переходит на темы наших общественных нужд, люди, плененные запретами, превращаются в эхо и попугаев.

Жизнь в свободе, в анархии даст людям больше, нежели просто свободу от их нынешнего политического и экономического рабства. Это станет лишь первым, начальным шагом к подлинной человеческой жизни. Гораздо большим и более значительным станет результат такой свободы, ее воздействие на разум и личность человека. Ликвидация принуждения, основанного на чуждой воле, и вместе с ним — страха перед авторитетом собьет с людей оковы, наложенные на них моральным и в немалой степени также экономическим и физическим нажимом. Человеческий дух сможет вздохнуть свободно, и это духовное освобождение станет рождением новой культуры и новой человечности. Заповеди и запреты падут, и человек начнет быть самим собой, развивать и выражать свои индивидуальные склонности и собственное своеобразие. Вместо того, чтобы говорить «ты не должен», общество скажет: «ты можешь, если готов

взять на себя всю ответственность». Это будет тренировкой человеческого достоинства и веры в себя, начинающейся дома и в школе и создающей новую породу людей с новым отношением к жизни.

Человек будущего будет видеть и переживать бытие на совершенно ином уровне. Жизнь будет для него искусством и радостью. Он не будет относиться к ней как к состязанию, при котором каждый пытается как можно быстрее стать первым. Он будет считать, что свобода важнее, чем работа, и работа займет приличествующее ей, подчиненное место как средство обеспечения досуга и удовольствия от жизни.

Жизнь станет стремлением к более высоким ценностям культуры, к исследованию тайн природы и достижению более высокой истины. Когда человек будет свободно использовать неограниченные возможности своего разума, следовать своей тяге к знаниям, применять свой изобретательский дар, творить и парить на крыльях своей фантазии, то он достигнет своего действительного величия, действительно станет человеком. Он будет расти и развиваться в соответствии с собственной природой. Он будет с презрением относиться к единообразию, а человеческое многообразие придаст ему большой интерес и удовлетворение от чувства богатства жизни. Жизнь для него будет состоять не в функционировании, а в переживании, и он добьется самой великой из всех свобод, достижимых для человека, — свободы в радости.

«Этот день — дело очень далекого будущего, — скажете вы. — Как нам достигнуть его?».

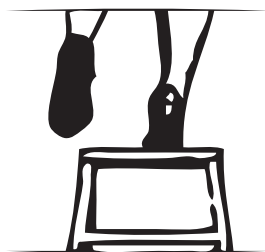
Может быть, он и впрямь дело далекого будущего, может быть, — не такого уж и далекого: этого никто не знает. В любом случае мы никогда не должны упускать из виду нашу конечную цель, если не хотим сбиться с правильной дороги. Описанные мною перемены не совершатся в одну ночь; ничто не совершается за одну ночь. Это будет постепенным развитием, как и все в природе и в общественной жизни. Но это будет целенаправленное, необходимое и, я даже рискну сказать, неотвратимое развитие. Неотвратимое потому, что все развитие человечества ведет в этом направлении, пусть даже оно идет иногда с зигзагами и сбивается с пути, но всегда возвращается на правильный путь.

Как же можно достичь этого дня?

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Александр Беркман

Будет ли работать коммунистический анархизм?
глава из «Азбуки коммунистического анархизма»

1929

без вычитки

Сохранено 20 февраля 2012г. из **aitrus.info**